

ПЕТР СТОЛЫПИН

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ПЛАНЕТЫ

FOLIO

Знаменитые люди планеты

Дмитрий Табачник

Петр Столыпин

«Фолио»

2011

Табачник Д. В.

Петр Столыпин / Д. В. Табачник — «Фолио»,
2011 — (Знаменитые люди планеты)

Имя российского премьер-министра П.А.Столыпина, выдающегося государственного деятеля и реформатора, занимает особое место в отечественной истории. Этого человека, наделенного многими талантами, политика, обладавшего, несомненно, стратегическим мышлением, даром рассудительности и способностью точно анализировать сложившуюся ситуацию, современники называли "консервативным либералом" и "либеральным консерватором". Столыпин выступал сторонником последовательных и решительных, но в, то, же время гибких преобразований в самых разных сферах общественной жизни. Среди его важнейших свершений - знаменитая аграрная реформа, представлявшая собой настоящий национальный проект, целью которого было укрепление главного производительного социального класса Российской империи - крестьянства.

Содержание

«Простой и мужественный образ...»	5
Глава I «Deo spes mea»	8
Глава II По стопам предков	11
Глава III Гродненский губернатор	15
Глава IV Во главе «трудной губернии»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Д. В. Табачник, В. Н. Воронин

Петр Столыпин

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей.

П. А. Столыпин

*Меня вела моя вера...
Из последнего письма П. А. Столыпина жене (28 августа 1911 года)*

«Простой и мужественный образ...»

Один из соратников Столыпина – Иван Иванович Тхоржевский (занимавший важный для реализации аграрной реформы пост помощника начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия МВД) – вошел в историю не только как видный государственный деятель императорской России, а потом и Белого движения. Он также являлся талантливым поэтом и переводчиком, в том числе автором прекрасных переводов Омара Хайяма. Памяти погибшего, подобно воину на поле брани, за «Веру, Царя и Отечество» великого премьера-реформатора, заплатившего собственной жизнью за проводившуюся с нечеловеческой энергией политику коренного обновления всего строя государственной и общественной жизни империи, он посвятил следующие поэтические строки:

Он – был из одного куска,
Как глыба цельного гранита.
И мысль его была ярка,
Неустрасима и открыта.
Уже забытою порой
Полубезумного шатанья
Вернул он к жизни – твердый строй,
Вернул он власти – обаянье.

В этих простых, лишенных ненужного пафоса словах, точно и исчерпывающе характеризуется вся суть «эпохи Столыпина», вернувшей не только «твердый строй», но и «обаянье» власти. Именно «обаянье» – пусть данное определение и звучит несколько непривычно. Выскажем мысль: именно благодаря тому, что после смерти Столыпина власть начала стремительно утрачивать «обаянье», стали возможны дальнейшие революционные потрясения (те самые «полубезумные шатанья»), под знаком которых прошла большая часть отечественной истории XX века и которые продолжают отбрасывать тень и на наш день сегодняшний.

Видимо, совмещение черт практического государственного деятеля и человека высокого искусства, подлинного творца сделали возможным то, что Тхоржевский ясно видел вещи как будто очевидные, но ускользавшие от внимания подавляющего большинства современников (как, впрочем, ускользают они и спустя столетие). Ведь именно Тхоржевскому принадлежат и следующие слова о Столыпине, но уже не стихотворные, а написанные сугубо с позиций преданного сподвижника в курсе великих преобразований: «Упрямый русский националист (понятно, что речь идет о национализме не этническом, а имперско-государственном, когда понятие нации носит политически-объединяющий характер. – Авт.), он был и упрямейшим, подтянутым западником: человеком чести, долга и дисциплины (здесь и далее курсив наш. –

Авт.). Он ненавидел русскую лень и русское бахвальство, штатское и военное. Столыпин твердо знал и помнил две основные вещи: 1) России надо было внутренне привести себя в порядок, подтянуться, окрепнуть, разбогатеть и 2) России ни в коем случае – еще долго! – не следовало воевать.

Благодаря Столыпину Россия вышла тогда из смуты и вступила в полосу невиданного ранее хозяйственного расцвета и великодержавного роста. Перед такой заслугой – так ли существенны столыпинские ошибки, уклоны и перегибы!

Как человек и политику П. Столыпин всегда был практическим реалистом., он трезво и просто разглядывал любое положение и внимательно искал из него выход. Зато раз приняв решение, шел на его исполнение безбоязненно, до самого конца. И на наших глазах этот простой и мужественный образ честного реалиста был не только облечен героическим ореолом: он начинает уже обрастать светящейся легендой – в согласии с исторической правдой».

Не будем говорить о данной оценке основных положений столыпинской политики, хотя Тхоржевский здесь предельно точен. Во всяком случае очевидно, что исторически роль Столыпина чрезвычайно сходна с ролью Петра Великого, сумевшего точно так же, преодолев хаос и расхлябанность, выстроить великую державу и дать толчок ее дальнейшему развитию. Однако при этом Столыпину действовать было несравненно труднее, чем создателю Российской империи. Для Петра Великого вопрос о методах действий, их оценке общественным мнением и внешним миром вообще не стоял, а глава правительства Николая II действовал в стране, вставшей (пусть вначале и крайне неуверенно) на путь суверенного демократического развития. Более того, если для первого российского императора вопрос заключался в первую очередь в максимально возможной концентрации реальной власти в своих руках, то было бы явной примитивизацией политику преобразований Столыпина сводить только к фактору укрепления власти, серьезно пострадавшей в результате революции и террора (хотя, разумеется, это было обязательным условием для всех дальнейших его действий). Одной из важнейших составляющих столыпинского курса реформ было построение демократических институтов, в том числе и передача ряда властных функций от центра к земствам. Да, зачастую Столыпин был вынужден действовать предельно жесткими и недемократическими методами, но делалось это не в целях сохранения авторитаризма, а напротив, создания нового, построенного на идее свободного развития, общества.

Но все же особо главное в словах Тхоржевского – его характеристика не столько политического курса премьера, сколько видение его как личности. Заметим, что именно в данном контексте мы старались писать эту книгу; в первую очередь нам важен сам Столыпин как личность, чье величие еще в полной мере не осознано. Недаром и сейчас, в совершенно новой исторической обстановке, мы вновь и вновь возвращаемся к столыпинскому эксперименту и делаем это отнюдь не только ради интереса к прошлому. Успех Столыпина (пусть предельно быстро и нивелированный его преемниками) и ныне указывает направления деятельности как в экономической сфере, так и в жизненно необходимом для успешного развития построении эффективной модели власти, передачи максимума ее функций на места и даже в геополитике, вечные законы которой действительно для всех времен.

Тхоржевский недаром применил к образу Столыпина эпитет не только «мужественный», но и «простой». И если первый самоочевиден (и даже, возможно, недостаточен для определения человека, занимавшего не один год две самые опасные должности в империи – министра внутренних дел и главы правительства), то второй требует некоторого пояснения. Дело в том, что Петр Аркадьевич был действительно прост как государственный деятель. Причем прост естественно, а не расчетливо, с целью получения большей популярности. Недаром у Тхоржевского «простота» неразрывно связана с такими понятиями, как честь и долг.

В представляемой книге мы старались показать, что величие Столыпина как государственного деятеля заключалось, прежде всего, в том, что он брал свою программу не из абстрактных теоретических построений, а «просто» – непосредственно из жизни.

Не менее важно для нашего понимания Столыпина и его действий то, что он был подлинно православным политиком. Православным отнюдь не в смысле декларирования внешнего обрядоверия. Вся государственная деятельность Столыпина была основана на христианском мировоззрении. Даже казнить террористов он был вынужден не из чуждого ему чувства мести, а чтобы сохранить страну от пролития неизмеримо большего количества крови невинных людей. Только глубокая вера помогла Столыпину выстоять в тяжелейших испытаниях, которые он при вступлении в должность министра внутренних дел считал непреодолимыми только силами человеческими. Но, несмотря на подобный пессимизм, Столыпин ни в коей мере в своих практических действиях не исходил из настроений исторической обреченности, а неизменно, при любых обстоятельствах решительно действовал, видя в этом свой долг государственного деятеля и православного христианина.

Вера, долг и честь Столыпина оказались сильнее пуль и бомб боевиков-террористов, клеветы и непонимания поставленных им целей со стороны оппозиции, косности и нежелания реформ большей части правящей верхушки. Великий реформатор исторически победил навсегда, пусть даже ему пришлось «душу свою положить за други своя», заплатив жизнью за преобразованную Россию. Он доказал непреложную для православного христианина истину – только политика, основанная на подлинной вере, политика чести и долга, политика во имя не собственного честолюбия, а народа может быть действительно успешной.

Глава I «Deo spes mea»

Очевидно, что тема родословной Столыпина заслуживает отдельного фундаментального исследования – настолько она интересна и неисчерпаема. Дворянский род Столыпиных восходит ко второй половине XVI века, и множество его представителей оставили заметный след в истории государства Российского.

Первое письменное упоминание о роде Столыпиных относится ко времени царствования Иоанна IV (более известного в истории как Иван Грозный), когда некий тверской дворянин «Второй Титович Столыпин» «подписался на поручной записи (письменное поручительство за кого-либо в том, что это лицо в назначенный срок «на суд станет». – *Авт.*) бояр и дворян по князю Охлябину». Именно этот Второй Титович Столыпин (о котором больше практически никаких сведений нет, кроме упоминания в поручной записи) и стал первым известным нам предком будущего великого реформатора по отцовской линии. Однако официальная последовательная поколенная роспись рода Столыпиных начинается не с него, а с жившего уже в самом конце XVI века тверского дворянина Григория Столыпина, который и считается основателем дворянского рода. Наиболее вероятной причиной этого является то, что во время Смутного времени множество документов о дворянских родах пропало в общей сумятице и безвластии, а восстановить их потом не представлялось возможным.

Стоит хотя бы коротко сказать о некоторых наиболее выдающихся предках будущего премьера, и отнюдь не потому, что авторы придают излишне большое значение генеалогии и преувеличивают роль наследственности. Дело в том, что сам Петр Аркадьевич всегда помнил о своих служивых предках, гордился их заслугами перед Отечеством, и его становление в качестве государственного деятеля во многом обусловлено именно упомянутым фактором.

Документы о службе Столыпиных царю и Отечеству начинаются с внука уже упоминавшегося Григория Столыпина – Сильвестра Афанасьевича Столыпина, дворянина из города Муром (откуда родом и причисленный к лику святых богатырь Илья Муромец, мощи которого покоятся в Киево-Печерской лавре), который принимал участие в войне с Польшей 1654–1656 годов. В 1672 году Сильвестр был пожалован в московские дворяне и получил грамоту на вотчину в 140 четвертей из 700 четвертей поместного оклада в Муромском уезде.

И после него все Столыпины служили Отчизне на военной или иной государственной службе, что уже подтверждается многочисленными документами.

Дед по матери Петра Аркадьевича генерал от артиллерии генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861) – одна из наиболее заметных фигур в военной истории России. Он был участником Отечественной войны (в том числе Бородинской битвы), зарубежных походов 1813–1814 годов (в том числе Битвы народов при Дрездене), польской войны 1831 года. Во время похода в Венгрию в 1849 году генерал Горчаков назначается начальником штаба действующей армии и проявляет незаурядные способности стратега. Во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов он сначала командует тремя пехотными корпусами, действовавшими на Дунае и побережье Черного моря до Буга, а после их вывода (по предательскому требованию австрийского императора Франца Иосифа I, оставшегося на троне только благодаря вводу в 1849 году российских войск в Венгрию) из пределов Валахии и Молдавии назначается командовать Южной армией на северо-западном побережье Черного моря и реке Прут. После высадки войск антироссийской коалиции в Крыму генерал некоторое время командует Крымской армией, а в феврале-августе 1855 года руководит обороной Севастополя. С января 1856 года Горчаков – наместник царства Польского и главнокомандующий 1-й армией. Согласно завещанию он был похоронен в Севастополе, героическая оборона которого была для генерала главным событием в наполненной сражениями и героизмом жизни.

Отец Петра Аркадьевича Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) во многом повторил блестящую боевую биографию генерала Горчакова, также став генералом от артиллерии. Как офицер Генерального штаба он участвует в Венгерском походе и за боевые отличия досрочно получает капитанский чин, в Восточную войну сражается на Дунае и при обороне Севастополя (где получает золотую саблю с надписью «За храбрость»). Кстати, в Севастополе Аркадий Столыпин становится другом тогда еще неизвестного молодого офицера-артиллериста Льва Толстого и их закаленная в пороховом дыму дружба сохранится навсегда.

После Восточной войны начинается блестящая административная карьера Аркадия Дмитриевича. Сначала талантливого офицера-артиллериста император Александр II (вообще ценивший людей незаурядных) делает своим флигель-адъютантом, а в 1857 году назначает наказным атаманом Уральского казачьего войска. Столыпин много сделал для освоения этого тогда еще во многом дикого края, и за отличие по службе в 1859 году награждается званием генерал-майора с оставлением в царской свите. В 1868 году наказной атаман становится генерал-лейтенантом с оставлением по конной артиллерии, а в следующем оставляет военную службу и назначается шталмейстером двора. В это же время Столыпин продает подмосковное имение Средниково и переезжает в имение Колноберже под Ковно (сейчас Каунас, Литва). Через несколько лет, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, генерал вновь возвращается в строй. Как рассказывали очевидцы, когда император проезжал через Вильну и увидел на вокзале встречавшего его Столыпина в расшитом золотом шталмейстерском мундире, то между ними произошел следующий диалог:

- Как грустно мне видеть тебя не в военной форме.
- Буду счастлив ее надеть, Ваше Величество.
- Тогда назначаю командовать корпусом действующей армии.

И вскоре Аркадий Дмитриевич отправляется на театр военных действий, где особенно отметился во время взятия крепости Никополь, первым комендантом которой он и стал. Следует особо отметить, что на войне генерала сопровождала его супруга Наталья Михайловна Горчакова, самоотверженно исполнявшая в госпиталях обязанности сестры милосердия. После победы над турками Столыпин был назначен генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, позже он командует несколькими армейскими корпусами, а потом, до самой смерти, был заведующим Дворцовой частью в Москве (то есть фактически комендантом Московского Кремля).

В общем, Петру Аркадьевичу было кем гордиться из своих предков и было с кого брать пример в служении Отчизне. Остается добавить разве что еще только один штрих. Кого бы мы ни взяли из предков Столыпина, в подавляющем большинстве это были люди глубоко православные, для которых жизнь без веры была невозможна, а государственное служение одновременно считалось и служением Богу. Показателен в этом плане и высочайше утвержденный фамильный герб рода Столыпиных, описание которого приведем из утвержденного указом императора Павла I «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи»: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней – голубое, изображен одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой – серебряную подкову с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: “DEO SPES MEA”».

В переводе с латыни «DEO SPES MEA» значит «Бог – наша надежда». В самое тяжелое время именно вера помогала Столыпину не отчаиваться и выполнять свой долг несмотря ни на что.

Думается, что особую стойкость Столыпину в исполнении долга придавало то, что по линии матери он был прямым потомком одного из первых и наиболее почитаемых русских святых – святого благоверного князя Михаила Черниговского (мощи которого покоятся в Успенском соборе Московского Кремля). Петр Аркадьевич глубоко чтит своего святого предка из

царского рода Рюриковичей, который был для него образцом не только христианина, но и государственного деятеля.

В 1225 году Михаил был приглашен на княжение в Новгород, но пробыл там недолго и возвратился в Чернигов. На уговоры остаться он отвечал, что жители Чернигова и Новгорода братья, и он будет укреплять связывающие их узы. С 1235 года Михаил занимает великокняжеский стол в Киеве и делает все возможное для противостояния нашествию монголо-татар. В том числе он пытался добиться военной помощи у венгерского короля Белы IV, но тот остался равнодушным к мольбам братьев-христиан. Как, впрочем, остались равнодушны также германский император и Папа Римский, у которых в 1245 году безуспешно просил помощи киевский князь.

Не имевший достаточных сил для отпора захватчикам и лишенный поддержки Европы, князь, желая спасти своих людей от полного уничтожения, был вынужден в следующем году отправиться в Орду за ярлыком на княжение. Там он и принял мученический венец за отказ поклониться идолам.

Глава II По стопам предков

Родился Петр Столыпин 2 апреля 1862 года в столице Королевства Саксония Дрездене, где в это время его мать была в гостях у родных, и там же был крещен в местной православной церкви. Раннее детство он провел в подмосковном Середниково, а потом до 1877 года жил в Колноберже под Ковно, откуда семья иногда выезжала на отдых в Швейцарию. До двенадцати лет Петр получал домашнее образование в имении, но потом отец решил все-таки отдать его в гимназию. Специально для этого был куплен большой двухэтажный дом в Вильне, куда семья переезжает из Колноберже. В 1874 году Петр выдержал испытание на поступление во второй класс Виленской классической гимназии, в которой проучился пять лет.

Из Вильно семья переехала в Орел, где Аркадий Дмитриевич вступил в командование располагавшимся там армейским корпусом, и Петр перешел в Орловскую классическую гимназию, которую успешно и закончил.

В 1881 году Столыпин поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (среди его однокурсников был и основатель гениального учения о ноосфере будущий академик Владимир Иванович Вернадский) и, в отличие от многих тогдашних студентов, учился с увлечением. Среди предметов, которым он отдавал предпочтение, были не только физика и математика, но и химия, биология, ботаника, зоология, агрономия (дипломная работа Столыпина была посвящена табачным культурам, возделываемым в Южной России). Среди преподавателей физико-математического факультета был и Дмитрий Иванович Менделеев. Сохранилось свидетельство о том, как великий химик принимал выпускной экзамен у Столыпина. Очень быстро экзамен перешел в ученый диспут на равных, пока наконец Дмитрий Иванович не спохватился: «Боже мой, что же это я. Ну, довольно, пять, пять, великолепно». Неудивительно, что в дипломе Петра Аркадьевича отмечено, что он «показал на испытаниях отличные знания по анатомии человека, физиологии животных, зоологии, минералогии, ботанике».

Во время учебы в университете Столыпин познакомился с Ольгой Борисовной Нейдгардт, на которой женился летом 1884 года. История его женитьбы не выяснена до конца – по мнению одних, им руководила пламенная страсть, другие считали причиной гипертрофированное чувство долга. Дело в том, что Ольга была невестой брата Михаила – прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка, смертельно раненного в сентябре 1882 года на дуэли с князем Шаховским. Столыпин стрелялся с князем после смерти брата на дуэли, был ранен и, возможно, посчитал своим долгом жениться на Нейдгардт.

В истории с дуэлью проявилось убеждение Столыпина, что ничего не может быть выше чести и поэтому при своей преданности идее верховенства права он пошел на запрещенную законом дуэль.

Столыпин легко мог остаться в университете и делать карьеру ученого, однако он предпочел выбрать внешне неромантичный путь чиновника (который считал одной из высших форм служения Государству), поступив в октябре 1884 года на службу в Министерство внутренних дел. Хотя следует отметить, что тяга к науке у Столыпина осталась – об этом, в частности, свидетельствует то, что, уже будучи причисленным к Министерству внутренних дел, он был утвержден Советом Санкт-Петербургского университета кандидатом физико-математического факультета.

Можно предположить, почему из многих имперских государственных учреждений Столыпин выбрал именно его. В то время это было отнюдь не министерство полиции с относительно узкими полномочиями, а центральный орган в системе государственного управления, которому, в том числе, подчинялись местные власти.

Но обстановка в министерстве (впрочем, как и в любом другом государственном учреждении любой страны любого времени) не слишком способствовала сохранению подобного возвышенного представления о своей миссии. Столыпин не мог найти в министерстве применения своих представлений о необходимых преобразованиях (а он уже тогда понимал, что Россия нуждается в проведении кардинальных реформ) – никаких сколько-нибудь серьезных поручений он в силу занимаемого положения получить не мог. А о том, чтобы представить всесильному министру внутренних дел Дмитрию Андреевичу Толстому (который был одним из наиболее приближенных лиц императора Александра III) собственные предложения по тому или иному вопросу, не могло быть и речи. Впрочем, даже если бы такая возможность была – в то время это Петру Аркадьевичу ничего бы не дало. Пока что он имел только общие представления о характере преобразований – до тщательно разработанной программы было еще очень и очень далеко. В итоге Столыпин так и остался только причисленным к Министерству внутренних дел и его связь с ним оставалась формальной.

Проходит чуть более двух лет и Столыпин подает прошение о переходе в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, куда и переходит в феврале 1886 года. Движущие мотивы, обусловившие подобный выбор, представляются очевидными. Столыпина чрезвычайно интересовали вопросы перестройки системы земельных отношений, что впоследствии позволило ему создать целостную концепцию реформ в аграрной сфере. А Департамент земледелия и сельской промышленности был учреждением, обладавшим огромным эксклюзивным объемом информации по земельному вопросу.

Не вызывает сомнения, что работа Столыпина в Министерстве государственных имуществ дала ему уникальные знания, без которых ему было бы значительно труднее реализовать в будущем свою программу реформ. А в Департаменте земледелия Столыпин именно работал, а не просто числился – как ранее в Министерстве внутренних дел. В апреле 1886 года он получает чин коллежского секретаря, а в январе следующего года назначается на свою первую руководящую должность – помощником столоначальника. Эта неблагодарная чиновничья работа много дала будущему главе правительства – и не только в плане ознакомления с ситуацией в сельском хозяйстве и его наиболее острыми проблемами. Петр Аркадьевич на основе личного опыта почти с самого низа мог понять принципы функционирования государственного аппарата империи, без знания чего невозможно было осуществлять эффективное управление.

Однако работа в столице не позволяла узнать, как работает аппарат власти на местах, что было не менее важным, чем работа в центральных органах управления. Все, что было можно, от работы в министерстве Столыпин взял – теперь он считал необходимым заняться практической работой непосредственно на земле. 28 февраля 1889 года Петр Аркадьевич подает прошение министру с просьбой разрешить переход в ковенские уездные предводители дворянства с оставлением причисленным к Министерству государственных имуществ. После удовлетворения данного ходатайства 18 марта приказом Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора он назначается уездным предводителем дворянства и одновременно возглавляет съезд мировых посредников.

Необходимо сказать несколько слов о сути должности уездного предводителя дворянства. На самом деле название не совсем отвечало сущности – полномочия Столыпина отнюдь не ограничивались чисто дворянскими вопросами. Он одновременно руководил деятельностью уездного земского собрания, уездного училищного совета, уездного присутствия по воинской повинности, уездного съезда и других ключевых местных органов власти. Фактически уездный предводитель дворянства концентрировал в своих руках всю полноту власти и полностью руководил уездом, в том числе и образованными при предыдущем либеральном царствовании земствами. При этом контроль губернаторов над уездными предводителями дворянства

был, как правило, достаточно условным – во всяком случае, они не считали нужным входить в подробности уездной жизни.

Таким образом, Столыпин получал почти неограниченные полномочия, и в его руках оказалось благополучие довольно крупного уезда.

О широте государственного кругозора Петра Аркадьевича свидетельствует то, что он мыслил не уездными категориями, а в масштабах империи. Предводитель дворянства уже тогда неоднократно выступал с обоснованием того, что для дальнейшего развития России необходима широкая экспансия на новые внешние рынки (что, в свою очередь, было невозможно без повышения качества продукции). По его словам: «Открытие новых рынков сбыта создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства».

Не менее интересно то, что Столыпин был убежден, что главным внешним рынком сбыта отечественной сельхозпродукции должна и далее оставаться Германия, а поставляемую туда продукцию из приграничных районов Министерство финансов должно освободить от ряда таможенных сборов. Эта убежденность во многом обусловила будущую убежденность Петра Аркадьевича в том, что ухудшение экономических и политических отношений с Берлином является крайне нежелательным и может привести к катастрофическим последствиям.

Необходимо отдельно остановиться и на деятельности Столыпина в должности почетного мирового судьи по Ковенскому и Инсарскому судебным округам, должности в определенном смысле не менее важной, чем предводитель дворянства. Здесь Петр Аркадьевич дополнительно подтвердил свою репутацию безупречно честного человека, для которого не имеет значения ничего, кроме соблюдения закона.

Честность Столыпина достигала такой степени, что он избегал малейших действий, которые могли породить хотя бы мысль о его личной заинтересованности. Почти фантастически для нашего времени, например, звучит следующая история. Когда Столыпин уже был губернским предводителем дворянства, он получал множество ходатайств с просьбой о строительстве шоссе на Ковно, кратчайший путь которого должен был проходить через принадлежащие ему земли. В этом случае Столыпин получал бы компенсацию от казны, которая серьезно превышала стоимость отчуждаемой земли. Хотя шоссе действительно было жизненно необходимо для развития экономики края, Столыпин категорически отказался ходатайствовать о его строительстве.

Также все современники единогласно свидетельствовали, что на всех занимаемых должностях Петр Аркадьевич был абсолютно чужд протекционизму и nepотизму и во всех своих решениях (в том числе и при кадровых назначениях) исходил исключительно из мотивов государственной пользы.

Можно констатировать, что работа Столыпина в Ковенском уезде была высоко оценена в Петербурге – стало ясно, что его административные способности заслуживают более широкой сферы применения. И на это раз связи и влияние отца были ни при чем. 24 апреля 1898 года Петр Аркадьевич был назначен¹ ковенским губернским предводителем дворянства именно за ставшую достаточно широко известной в бюрократических кругах успешную работу в уезде.

Должность губернского предводителя дворянства была не менее ответственной, чем уездного. Хотя губернский предводитель не обладал такой полнотой власти и полномочиями, как его уездный коллега, но назвать этот пост безвластным никак нельзя. Как и в уезде, полномочия губернского предводителя далеко не ограничивались только делами дворянского сословия. По своему положению губернский предводитель председательствовал в местном земском собрании, что давало ему возможность управления земствами. По сути, губернский предводи-

¹ Боясь усиления польского влияния, в западных губерниях губернских и уездных предводителей дворянства также не избирали, а назначали.

тель являлся правой рукой губернатора, получал обширный административный опыт, и недаром потом некоторых губернских предводителей назначали губернаторами.

Насколько можно судить, Столыпину назначение особой радости не доставило – он вообще был абсолютно чужд карьеристских мотивов. Любой пост для него означал, прежде всего, жертвенное служение, иного отношения он просто не понимал. А это у современников порождало искреннее недоумение. Как говорил Петр Аркадьевич: «Это «чиновники» придают такое значение чинам, а я работаю, в надежде принести пользу нашей родине, *и награда моя – видеть, когда мои начинания идут на благо ближним*». У Столыпина в жизни было совершенно иное представление о счастье, нежели богатство и карьера. Вот еще его слова: «Любовь и труд – вот залог счастья и жизни».

И это была не просто красивая поза. Рюрикович Столыпин мог без труда получить любую почетную синекуру при дворе или любом министерстве. Но он предпочел заниматься малопрестижной тяжелой работой в заброшенном уголке империи, жизнь в котором ничем не походила на столичную.

О работе Столыпина губернским предводителем дворянства можно сказать примерно то же, что и о предыдущей его работе в уезде. Как и ранее, он не жалел ни сил, ни времени для максимального улучшения положения дел во всех вверенных ему сферах деятельности. Разница заключалась только в том, что в губернии Петр Аркадьевич мог сосредоточиться на вопросах земского самоуправления, что только усилило его уверенность в том, что Россия нуждается в кардинальном реформировании системы власти, включая передачу максимума властных полномочий от центра на места. Также еще более укрепилась столыпинская уверенность в необходимости дать крестьянам возможность свободно выходить из общины с закрепленной землей. Дополнительно этому способствовало то, что, будучи жителем приграничной губернии, Столыпин видел, на каком высоком уровне находится сельское хозяйство в соседней Германии с ее крупными современными хозяйствами и полным отсутствием рудиментарного института крестьянской общины.

Глава III Гродненский губернатор

Если учесть, что энергичный губернский предводитель дворянства был в то время, в отличие от эпохи Александра II, скорее исключением (большинство из занимавших такой пост рассматривало свою должность больше как синекуру), то не удивительно, что многолетняя успешная деятельность Столыпина в Ковенской губернии привлекала внимание руководства Министерства внутренних дел. Руководители министерства тщательно пытались подыскать для назначения на ключевые посты в системе государственного управления людей энергичных и безупречно честных. Особенно активно процесс подбора новых кадров начался при новом министре внутренних дел Вячеславе Константиновиче фон Плеве, возглавившем в апреле 1902 года министерство после убийства своего предшественника Дмитрия Сергеевича Сипягина эсеровским боевиком Степаном Балмашевым. При этом Вячеслав Константинович благодаря своим огромным возможностям имел объективную информацию о положении на местах и прекрасно знал состояние дел в каждой губернии.

Новый министр внутренних дел правительственной телеграммой срочно вызвал Столыпина из германского города Бад-Эльстер, где тот с семьей находился на отдыхе, в Петербург и предложил ему должность гродненского губернатора (предыдущий губернатор Николай Петрович Урусов перед этим был назначен полтавским губернатором). Хотя для Столыпина это и стало полной неожиданностью, он не сомневался и последовал сформулированному в «Капитанской дочке» принципу «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Предводитель ковенского дворянства ясно видел, что империя вступила в эпоху новых потрясений и считал, что не имеет морального права отказаться от назначения, сулившего ему, как минимум, лишь трудности и неудобства. И вот назначение свершилось. 30 мая Николай II подписал указ следующего содержания: «Ковенскому Губернскому предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину Всемилоостивейше повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского губернатора, с оставлением в придворном звании». Так Столыпин стал самым молодым на то время губернатором в империи...

Для глубоко провинциального Гродно назначение нового губернатора из Рюриковичей, пользовавшегося уже определенной известностью в столице, стало незаурядным событием – его приезда ожидали со смешанным чувством надежды и страха.

Прежде чем рассказать о работе Столыпина в Гродно, зададимся вопросом: почему фон Плеве решил предложить Столыпину именно Гродненскую губернию? Думается, что его логика достаточно очевидна. Хотя губерния была одной из самых маленьких в империи (состояла только из девяти уездов), она входила в число наиболее проблемных в силу своего пестрого этнического состава. Чтобы справиться с ее управлением, губернатор уже должен был иметь определенный опыт руководства территорией со сложным этническим и конфессиональным составом.

Столыпин умело управлял в Ковенской губернии, где значительную часть населения составляли поляки, а также литовцы, евреи, немцы. В Гродненской губернии поляки и евреи также составляли значительную часть населения, а белорусы в большой мере находились под польско-католическим влиянием.

Фон Плеве небезосновательно предполагал, что Столыпин в Гродненской губернии справится с польским вопросом не менее успешно, чем он это делал в Ковенской. Министр внутренних дел не ошибся – несмотря на то что польское население было настроено оппозиционно по отношению к имперской власти, во время губернаторства Столыпина никаких серьезных проблем с поляками не было. И добился подобного результата губернатор вовсе не репрессивными мерами, а достижением взаимопонимания на основе общих интересов. Он сумел пока-

зять свое уважение к религии и национальным чувствам поляков и убедить их, что поддержание стабильности в губернии в их интересах не менее, чем в интересах власти.

Конечно, Столыпин не был ни в коей мере полонофилом, он просто трезво смотрел на положение дел и видел, что политика государственного давления на польское население с целью заставить его отказаться от своей национально-культурной идентичности и веры предков может привести лишь к взрыву. Однако Петр Аркадьевич был и против односторонних уступок со стороны правительства, дающих возможность полонизировать западные губернии.

В Гродно Столыпин с головой окунулся в повседневную напряженную работу, стараясь не упустить ничего, что нужно было сделать для улучшения жизни в губернии. О том, что Петр Аркадьевич в самом прямом смысле слова себя не щадил, говорит даже его рабочий график – он ложился спать в четыре часа утра, а в девять снова приступал к работе (этот режим он сохранил до конца жизни). Сфера его забот как губернатора была чрезвычайно обширна. Например, Столыпин лично занялся проблемами образования и по его инициативе были открыты еврейское двухклассное народное училище (это к вопросу об «антисемитизме» Петра Аркадьевича!), ремесленное училище и приходское училище для девочек (губернатор считал крайне важным развитие образования для женщин), а для неимущих учеников мужской гимназии были учреждены именные стипендии семьи Столыпиных.

Гродненская губерния стала и полигоном для Петра Аркадьевича, где он впервые попытался реализовать элементы своей будущей аграрной реформы. Этому способствовало то, что по должности он возглавил губернский комитет особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организованный по инициативе министра финансов Витте.

Губернатор не ограничился в комитете лишь бумажной бюрократической работой, а начал последовательно проводить мероприятия по облегчению свободного выхода из общины всех желающих, закреплением за крестьянами земли и создания системы хуторов. На одном из заседаний губернского комитета он тезисно обрисовал первоочередные меры по реформированию земельных отношений в губернии, и это выступление во многом схоже с позднейшими выступлениями Столыпина в Государственной думе. Приведем ключевое положение его выступления: «...главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности в частности следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполостности земель, разверстание сервитутов (происходит от латинского слова *servitus* – подчиненное положение. Означает право ограниченного пользования чужим земельным участком. – Авт.)». Следует учесть, что Столыпин начал в губернии реализацию своей реформаторской программы без одобрения Петербурга, более того – многие при дворе и в правительстве считали, что крестьянская община является фундаментом самодержавного строя, а ее разрушение выгодно только революционерам.

Спокойное проведение реформ в губернии (пусть и в достаточно ограниченном масштабе) стало возможно и во многом благодаря тому, что губернатор жестко подавлял любые попытки революционных беспорядков и отстаивал необходимость самых решительных мер по отношению к революционерам.

Но пребывание Столыпина в Гродно длилось недолго (и можно поражаться, что он сумел сделать столь многое за столь короткое время!) – в феврале 1903 года фон Плеве вызвал его в Петербург и предложил отправиться губернатором в Саратов. Это было несомненное повышение – Саратовская губерния была значительно крупнее Гродненской, к тому же ее губернатор подчинялся не генерал-губернатору, а напрямую Петербургу. Несмотря на это Столыпин был не в восторге от сделанного предложения – он только начал реализовывать в Гродно свою программу преобразований и хотел довести ее до конца. Кроме того, семья уже обустроилась в Гродно и ему не хотелось вновь перевозить жену и маленьких детей на новое место. Однако на возражения Столыпина министр резко заметил: «Меня Ваши личные и семейные обстоятель-

ства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. *Я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии* и ожидаю от Вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

Это высказывание было сделано совершенно в стиле самого Петра Аркадьевича, и понятно, что после этого гродненский губернатор немедленно дал согласие (вероятно, устыдившись своей минутной слабости). 26 марта 1903 года в Саратове появился новый губернатор.

Глава IV Во главе «трудной губернии»

Министр не случайно назвал Саратовскую губернию «трудной» (и то, что он поставил во главе ее Столыпин, было знаком его особого доверия и высокой оценки работы Петра Аркадьевича в Гродно) – в ней не было болезненных польского и еврейского национальных вопросов, но и без этого она имела давнюю и прочную репутацию наиболее беспокойной во всей империи. Кроме традиционно сильного революционного движения, губерния была особо известна частыми крестьянскими выступлениями, доставлявшими власти много хлопот. К началу XX века почти столько же хлопот начал доставлять рабочий вопрос, учитывая то, что Саратов был крупным индустриальным центром – в городе работали около 150 фабрик и заводов.

На новом месте Столыпин сразу же произвел большое впечатление – во всех слоях общества почувствовали, что в губернии наконец появилась твердая власть. Даже его внешний вид поразил саратовцев, один из которых следующим образом описал свое впечатление от губернатора: «Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон – придавали ему *вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии*».

Особенно жителей впечатлило то, что новый губернатор сразу начал наводить порядок, доказав, что печется о нуждах народных не только на словах: немедленно последовал ряд увольнений коррумпированных и бездеятельных чиновников на местах, что было воспринято в губернии с восторгом.

Однако спокойно заниматься развитием губернии Столыпину не удалось – атмосфера в империи постоянно накалялась. После начала Русско-японской войны ситуация становилась все более неуправляемой, что, разумеется, затронуло и Саратовскую губернию. Кстати, вскоре после начала войны, в марте 1904 года, Николай II посетил губернию и остался чрезвычайно доволен работой своего, пожалуй, самого энергичного губернатора. О состоявшейся встрече с императором Столыпин написал, что последний «был крайне ласков и разговорчив: говорил про губернию, про пробудившийся патриотизм». Также, по словам губернатора, Николай II «закончил уверенностью, что все в губернии пойдет хорошо». Подобный не слишком обоснованный оптимизм «хозяина земли Русской» не оправдался – дела в государстве в целом и в каждой ее губернии шли все хуже и хуже.

Революция все более становилась не устрашающим жупелом, а страшной, кровавой реальностью. Уже в 1904 году в Саратовской губернии начались серьезные революционные выступления, справиться с которыми при небольшом количестве войск в губернии было очень не просто. Столыпину все чаще приходилось выезжать на места самому. Как он писал жене уже в мае 1904 года: «Выезжаю в Аткарский уезд, где опять беспорядки. Думаю, что в один день покончу. Там крестьяне обыкновенно тихие и надеюсь обойтись без экзекуции. Скучно постоянно прерывать работу такими случаями». А вскоре губернатор радуется, что удалось все уладить «без порки»: «Сейчас вернулся из Аткарского уезда и все благополучно кончил. Вместо одного места пришлось поехать в два, т. к. накануне моего приезда крестьяне по соседству разобрали самовольно весь хлеб из хлебозапасного магазина. Везде удалось выяснить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам. Мои молодцы казачки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось обойтись арестами, без порки».

Но количество «таких случаев» только увеличивалось, несмотря на все предпринимаемые «молодцами казачками» меры.

Положение в империи все более усугублялось и особенно ухудшилось после убийства в апреле 1904 года фон Плеве, в лице которого революция имела наиболее сильного противника. Осознавая необходимость проведения реформ, министр внутренних дел никогда бы

не позволил разговаривать с властью с позиции силы и диктовать ей ультиматумы. Для фон Плеве не было сомнения в том, что реформы не могут проводиться при отсутствии твердой власти – пришедший же ему на смену князь Святополк-Мирский считал, что власть сначала должна пойти навстречу либеральной оппозиции (возможно, учитывая догматическую ограниченность и нетерпимость последней, правильнее было бы назвать ее псевдолиберальной). Произнося правильные слова (которые сами по себе, конечно, неоспоримы) о том, что положит в основу своей деятельности «искренно благожелательное и искренно доверчивое отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», Святополк-Мирский не имел никакой продуманной программы. Широко разрекламированная «эпоха доверия» и «весна» князя обернулась неконтролируемой эскалацией насилия и поставила империю на грань общей катастрофы. После Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, показавшего крах политики односторонних уступок, преемником Святополка-Мирского в Министерстве внутренних дел стал Александр Григорьевич Булыгин, но он бездумно продолжил политику своего предшественника.

Из Петербурга Столыпин получал противоречивые указания или вовсе их не получал – сохранять порядок в губернии ему становилось все тяжелее. В марте 1905 года царь выражает Петру Аркадьевичу благодарность за успешное подавление беспорядков, но он даже не мог себе представить, каких усилий это стоило губернатору, действовавшему не столько грубой силой, сколько силой убеждения. К тому же Столыпин явно преувеличивал собственные возможности. Он полагал, что сможет справиться с беспорядками имеющимися у него силами полиции и армии и считал ненужным присылку дополнительных воинских контингентов. Развитие событий в губернии показало, что в данном случае Столыпин ошибался – местная власть не сумела обойтись собственными силами и вскоре была вынуждена просить присылки дополнительных войск.

Однако попытки Петра Аркадьевича сохранить порядок в губернии все более напоминали тушение пожара на торфяных болотах. За 1905 год в губернии произошло почти 900 крупных аграрных беспорядков и было сожжено более 40 % помещичьих усадеб. Можно было загасить один очаг беспорядков, но тут же словно из-под земли в других местах вырывались новые языки пламени. И если в 1904 году речь шла о выступлениях крестьян, часть из которых имела стихийный или полустихийный характер, то в следующем году в губернии начался целенаправленный террор со стороны эсеров и анархистов по отношению к представителям власти. Летом сам губернатор чудом несколько раз избегает неминуемой смерти. В самом центре Саратова, на Театральной площади в него бросают бомбу, а при поездке в Балашовский уезд эсеровский боевик трижды почти вплотную стреляет в губернатора. В Столыпина также стреляют из засады во время поездки по губернии, но после этого он лишь иронически замечает: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.